КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Федина Н. А. Основания прекращения правоотношений из особых завещательных распоряжений // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 24. – ART 14792. – 0,5 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14792.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

ART 14792 **УДК 347.67**

Федина Наталия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Армавире, г. Армавир
fednat79@mail.ru

Основания прекращения правоотношений из особых завещательных распоряжений

Аннотация*. Рассмотрены основания прекращения правоотношений из особых завещательных распоряжений. Выделены различные основания их прекращения в зависимости от того, какого рода отношения возникают из особого завещательного распоряжения. Выявлено, что одним из предметов завещательного отказа может быть обязанность наследника предоставить жилое помещение для пожизненного проживания легатария. При этом такая обязанность не может прекратиться с превышением стоимости легатарного предоставления над стоимостью наследственной доли, поскольку легатарий несет бремя содержания имущества, безвозмездное пользование которым он осуществляет наравне с наследником.*
Ключевые слова*: легатарий, завещательное распоряжение, наследник, завещательный отказ, правоотношения.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Особые завещательные распоряжения имеют длительную историю, они были известны еще в древнерусском наследственном праве. Примером завещательного распоряжения является ситуация, которая существовала в русском праве, когда отец, оставляя имущество своим сыновьям, обязывал их выдать сестер замуж и дать приданое [1]. В настоящий момент завещательные распоряжения практикуются довольно широко. В зависимости от того, какого рода отношения возникают из особого завещательного распоряжения, следует выделять и различные основания их прекращения.

Так, например, содержанием завещательного отказа может стать обязанность наследника совершить какие-либо однократные действия – передача имущество в собственность легатария, выполнение для него работы, оказание услуг и т. п. В этом случае исполнение соответствующего обязательства и будет являться основанием прекращения отношений из завещательного отказа. Помимо этого в силу исполнения завещательного отказа между наследником и легатарием могут возникнуть и длящиеся правоотношения. Такие отношения влекут завещательный отказ, содержанием которого является обязанность наследника, например, предоставлять легатарию имущество в пользование на определенный срок или осуществлять периодические выплаты.

Пункт 3 статьи 1138 ГК устанавливает три основания прекращения обязательств из завещательного отказа [2]. Во-первых, это смерть отказополучателя до открытия наследства или одновременно с завещателем. Причисление законодателем данного обстоятельства к числу оснований освобождения наследника от обязанности по исполнению завещательного отказа представляется весьма странным. Действительно, если ранее мы установили, что основанием возникновения обязательства по завещательному отказу является открытие наследства, то обязанность наследника по данному обязательству никак не может возникнуть до этого момента. В этой связи, по всей видимости, смерть отказополучателя до открытия наследства или одновременно с завещателем закон определяет скорее не в качестве правопре-

кращающего, а в качестве правопрепятствующего юридического факта, поскольку в данном случае обязательство из завещательного отказа не прекращается, а именно не может возникнуть.

В этой связи возникает довольно закономерный вопрос о том, какие последствия применительно к обязательству из завещательного отказа влечет смерть отказополучателя после открытия наследства. Ранее действующее законодательство (имеется в виду ГК РСФСР 1964 г.) вообще не давало достаточно определенного ответа на этот вопрос, что, впрочем, не помешало Пленуму Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 23 апреля 1991 г. (пункт 15) прийти к выводу о том, что права и обязанности отказополучателя прекращаются его смертью и не могут быть переданы им по наследству, если иное не предусмотрено наследодателем, оставившим завещательный отказ [3]. Однако в юридической литературе данный вывод правоприменительной практики подвергся некоторой критике. В частности, Ю. К. Толстой указывал, что в момент открытия наследства у легатария возникает право требования, которое отличается от права на принятие наследства. В этой связи судьба легата в данном случае (то есть в случае смерти легатария после открытия наследства) зависит от содержания права, принадлежавшего легатарию, а также от того, носят ли отношения по исполнению легата между наследником и отказополучателем длящийся характер или нет.

Иными словами, несмотря на наше указание на то, что обязательство из завещательного отказа возникает на основании открытия наследства до совершения действий, направленных на его реализацию, права кредитора по такому обязательству независимо от его содержания неразрывно связаны с личностью самого кредитора, их действие ограничено определенным сроком, а потому они не могут переходить к другим лицам. Объясняется это тем, что завещатель, как правило, рассчитывает именно на получение завещательного отказа определенными лицами (первоначальным или подназначенным легатарием). После того как легат уже получен (то есть, совершены действия, направленные на осуществление права, принадлежащего легатарию), отказанное имущество (включая имущественное право) становится имуществом самого легатария, а потому вывод о невозможности передачи этого имущества по наследству прямо приводил бы к ограничению конституционных прав легатария.

Таким образом, правила статей 1137–1138 ГК не содержат положений, из которых следовало бы прекращение обязательства по завещательному отказу в связи со смертью легатария после открытия наследства и совершения им действий, направленных на использование его прав по завещательному отказу. В этой связи к подобной ситуации будет применяться общее правило о переходе прав кредитора по обязательству в случае универсального правопреемства (статьи 387 и 1110 ГК), а также о том, что такой переход невозможен лишь в случае, если исполнение обязательство по завещательному отказу предназначено лично для кредитора или иным образом неразрывно связано с его личностью (статья 418 и абзац второй статьи 1112 ГК). Так, не будут переходить к наследникам легатария, например, права по личному сервитуту, в силу которого легатарию предоставлено право пользования жилым помещением наследника.

Вторым основанием прекращения обязательства по завещательному отказу статья 1138 ГК называет отказ легатария от его получения. Причисление данного обстоятельства к основаниям прекращения обязательства наследника по завещательному отказу само по себе является доказательством высказанных ранее нами суждений. Во-первых, оно доказывает, что обязательство по завещательному отказу возникает

непосредственно после открытия наследства до совершения легатарием каких-либо действий по его принятию, поскольку нельзя отказаться от своих прав, прекратив обязательство, если само обязательство еще не существует. Во-вторых, причисление отказа от получения легата к числу оснований его прекращения доказывает также и личный характер прав легатария до принятия завещательного отказа, несмотря на существование самого обязательства, поскольку легатарий не может отказаться от получения завещательного отказа в пользу других лиц (статья 1160 ГК).

Третьим основанием прекращения обязанности наследника по исполнению завещательного отказа часть 3 статьи 1138 ГК называет лишение отказополучателя права на получение завещательного отказа по правилам о недостойных наследниках (статья 1117 ГК). Поскольку обстоятельства, изложенные в статье 1117 ГК, могут иметь место как до, так и после открытия наследства, следует учитывать, что в первом случае речь идет о правопрепятствующем факте, который не прекращает правоотношения по завещательному отказу, а препятствует их возникновению. Если же эти обстоятельства имели место после открытия наследства, но до его принятия наследниками, то, поскольку эти обстоятельства в данном случае будут являться правопрекращающим фактом, это также доказывает тезис о том, что право на получение завещательного отказа возникает со дня открытия наследства, а при наличии обстоятельств, изложенных в статье 1117 ГК, прекращается.

Самого пристального внимания заслуживает положение, согласно которому наследник освобождается от обязанности по исполнению завещательного отказа в случае, если отказополучатель в течение трех лет со дня открытия наследства не воспользовался своим правом на получение завещательного отказа.

Можно было бы, конечно, согласиться с теорией пресекательных сроков как санкций за неосуществление или ненадлежащее осуществление гражданских прав, и, как и большинство авторов, утверждать, что весьма немногочисленные пресекательные сроки, которые устанавливает действующее законодательство, являются лишь исключением из принципа осуществления гражданских прав по своему усмотрению (статья 9 ГК). Но в подобном случае мы вступили бы в противоречие с ранее высказанным суждением о том, что в результате односторонней сделки (то есть завещательного отказа) у леагатерия возникают лишь права, но не обязанности, и поэтому для их возникновения легатрию нет необходимости в совершении каких-либо дополнительных действий, выражающих его волю на возникновение этих прав. Если же мы ведем речь о пресекательном сроке как о санкции за неосуществление права легатария, то в таком случае перед нами уже и не право, а некая право-обязанность, между тем как обязанности у третьего лица по односторонней сделке могут возникнуть лишь в строго определенных случаях (статья 155 ГК).

Насколько, однако, верным является это изначальное утверждение о том, что пресекательный срок – это санкция за ненадлежащее осуществление или неосуществление субъективного права? Представляется, что и советское законодательство, а тем более современное, позволяет обосновать несколько иную правовую природу и предназначение подобной технико-юридической конструкции.

Действительно, в советский период срок, по истечении которого у временно отсутствующего нанимателя прекращалось право на жилое помещение, во многом имел характер санкции, но не столько за неосуществление этого права или за «осуществление в противоречии с его назначением», сколько за «чрезмерно» активное осуществление другого права, а именно права на свободное передвижение и выбор места жительства, к которому советское государство всегда относилось весьма прене-

брежительно (основание для подобного вывода дает хотя бы институт лимитированного количества работников предприятия из других местностей либо сопутствующий ему институт прописки, кстати, до настоящего времени, несмотря на замену его институтом регистрации по месту жительства, во многом сохранивший прежнее предназначение). Однако насколько безупречной являлась даже с точки зрения советского законодательства конструкция пресекательного срока применительно к сроку прекращения права собственности у собственника потерянной вещи или безнадзорного скота? Быть может, такой собственник весьма горько сожалел о пропаже и даже предпринимал меры к ее обнаружению. В чем же заключалось в таком случае его неправомерное поведение в виде «бесхозяйного отношения к своему имуществу»?

В связи с этим мы полагаем, что пресекательные сроки имеют совершенно иную правовую природу, которая заключается в следующем: если исходить из теории субъективного права как защищенного законом интереса, то можно прийти к выводу о том, что с утратой этого интереса нет необходимости в сохранении субъективного права. В большинстве случаев сама по себе утрата такого интереса не ведет, конечно же, к прекращению такого права, и управомоченному предоставляется возможность выразить свою волю на такой отказ (прощение долга, дарение и т. п.), доведя до других участников оборота информацию об отсутствии у него интереса в данном субъективном праве и, как следствие, о его прекращении. Само по себе предположение участников оборота об отсутствии у управомоченного субъекта интереса в этом субъективном праве не дает никаких оснований для них считать это право прекращенным.

В некоторых случаях интересы оборота, однако, требуют наличия твердой уверенности у его участников в том, что у управомоченного субъекта такой интерес присутствует, и, следовательно, что его субъективное право действительно продолжает существовать. Именно подобная необходимость и позволяет законодателю устанавливать срок, предоставляемый управомоченному субъекту для заявления о наличии у него интереса в осуществлении этого права путем совершения определенных действий, направленных, прежде всего, на само его осуществление. При отсутствии подобных действий со стороны управомоченного считается, что он отказался от своего права и что его право прекратилось.

Подобный случай, в частности, имеет место при прекращении права собственности у лица, потерявшего вещь, поскольку ситуация, при которой собственник вещи длительное время неизвестен и данная вещь относится к res nullius, принципиально противоречит интересам оборота, стремящегося к тому, чтобы каждая вещь имела собственника и служила тем самым самому обороту. В этой связи закон устанавливает предельный срок, в течение которого все вынуждены мириться с неизвестностью собственника вещи, но по истечении которого она приобретает нового собственника.

Аналогичная ситуация, к примеру, имеет место и при прекращении права собственности на земельный участок, не используемый по целевому назначению в течение определенного срока (статья 284 ГК), поскольку в силу естественной ограниченности земельных ресурсов интересы оборота диктуют необходимость максимально эффективного использования каждого земельного участка, хотя и собственник земельного участка в данном случае всем известен.

Отсюда становится ясно, что пресекательный срок следует воспринимать как презумпцию или фикцию, содержанием которой является утверждение о прекращении субъективного права, построенного на основе внешней обстановки, из которой можно судить об отсутствии у управомоченного интереса в его осуществлении. Пре-

зумпцией данный срок будет являться в том случае, если управомоченному субъекту предоставляется возможность опровергнуть данное утверждение, доказывая, что неосуществление данного права происходило по уважительным причинам, и в подобном случае данное право может быть прекращено только в судебном порядке. Фикцией данный срок будет являться тогда, когда субъективное право прекращается автоматически по истечении определенного срока и без решения суда.

Так, в рассмотренных примерах, срок приобретения права собственности на находку (и соответственно прекращения его у прежнего собственника) является фикцией отсутствия интереса у прежнего собственника в данной вещи, поскольку ему не предоставляется возможности опровергнуть утверждения об отсутствии у него такого интереса. В примере же с прекращением права собственности на неиспользуемый в течение определенного срока земельный участок пресекательный срок выступает в роли презумпции отсутствия интереса у собственника такого земельного участка, поскольку право собственности прекращается здесь на основании решения суда, и собственнику предоставляется возможность доказывать, что неиспользование земельного участка было обусловлено стихийными бедствиями или иными обстоятельствами, исключающими такое использование. Иными словами, собственник может опровергать презумпцию отсутствия у него интереса в данном земельном участке, явствующую из того, что он не осуществлял свое право в течение определенного срока, доказывая это тем, что он не имел реальных возможностей по его осуществлению.

В связи с этим становится отчасти понятно, почему в отечественной науке гражданского права до сих пор пресекательные сроки не рассматривались в качестве фикций или презумпций, служащих снятию фактической (и как следствие) правовой неопределенности в уяснении принадлежности того или иного субъективного права.

Также становится ясным, что трехлетний срок, установленный для осуществления легатарием своего права, является не санкцией за такое неосуществление, а фикцией, в силу которой истечение подобного срока свидетельствует об отсутствии у легатария интереса в подобном праве и, соответственно, о его прекращении. Цель данной фикции – снятие правовой неопределенности возникающей в силу того, что обязательственное право в исключение из общих правил приобретается субъектом без совершения каких-либо действий, направленных на его приобретение, а исключительно волей завещателя и силой закона [4]. Отсюда оборот предоставляет управомоченному субъекту некоторый срок «на раздумье» о том, нужно ли ему это право или нет. Понятно, что такая ситуация не может продолжаться до бесконечности и поэтому при пропуске этого срока наступают такие же последствия, как и при отказе от получения завещательного отказа, то есть считается, что легатарий, не осуществляющий своих прав по завещательному отказу, не имеет в них интереса и тем самым отказывается от них.

Какие же причины вынуждают законодателя применять подобную конструкцию в данной ситуации. По нашему мнению, такие причины практически невозможно обнаружить. Так, если содержание легата заключается в обязанности совершения однократных действий (передачи вещи в собственность, выполнении работы, оказании услуги и т. п.), восстановление пропущенного легатарием срока не может причинить ущерба интересам оборота, поскольку, если на наследника возложена обязанность, то она должна быть исполнена. Равным образом не может противоречить интересам оборота возможность восстановления пропущенного легатарием срока и в тех случаях, когда содержание легата составляет обязанность наследника по предоставле-

нию содержания легатарию либо по предоставлению имущества в его пользование. В последнем случае, хотя право пользования легатария обладает вещно-правовой природой (в частности, оно следует за вещью при ее отчуждении наследником), но, как уже было доказано, подобная характеристика данного права появляется только после передачи имущества наследником в пользование легатарию. До этого момента право легатария реализуется в обязательственных отношениях между наследником и легатарием. Следовательно, даже если наследник отчуждает вещь, подлежащую передаче в пользование легатарию после истечения трехлетнего срока для получения легата, при его восстановлении легатарий не может предъявить требования о передаче вещи в пользование к новому ее собственнику, следовательно, интересы оборота ни в коей мере не нарушаются и в подобной ситуации.

Таким образом, нельзя ставить под сомнение, что одним из предметов завещательного отказа может быть обязанность наследника предоставить жилое помещение для пожизненного проживания легатария. При этом такая обязанность не может прекратиться с превышением стоимости легатарного предоставления над стоимостью наследственной доли, поскольку легатарий несет бремя содержания имущества, безвозмездное пользование которым он осуществляет наравне с наследником.

Ссылки на источники

1. Ярмонова Е. Н. Отдельные аспекты наследования по российскому законодательству: прошлое и современность // Бюллетень нотариальной практики. – 2008. – № 6. – С. 31–34.
2. Гражданский кодекс РФ. Ч. 3 (принят ГД ФС РФ 01.11.2001), (действующая редакция от 01.01.2014).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 1991 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих у судов по делам о наследовании» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1993. – М., 1994.
4. Там же.

Natalia Fedina,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of legal disciplines, the branch of the Federal state educational institution "Kuban State University" in Armavir, Armavir
fednat79@mail.ru

ISSN 2304-120X

The bases of the termination of legal relationship from special testamentary orders

Abstract. The bases of the termination of legal relationship from special testamentary orders are considered. Various bases of their termination, depending on are allocated what sort of the relation arise from the special testamentary order. It is revealed that the duty of the successor can be one of subjects of testamentary refusal to provide premises for lifelong accommodation a legatariya. And such duty can't stop with excess of cost of legatarny granting over the cost of a hereditary share as legatariya bears burden of the contents property, free use with which it carries out, on an equal basis with the successor.

Key words: legatariya, testamentary order, successor, testamentary refusal, legal relationship.

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»